

Слишком нетерпеливая, чтобы ехать на автобусе, слишком ленивая, чтобы идти пешком, я взяла такси до своей квартиры. Я всегда задавалась вопросом, был ли общественный транспорт одним из факторов, которые заставляли вампиров собираться в больших городах. Носить деньги для проезда на автобусе проще, чем получить поддельные водительские права, которые говорят, что ты в том возрасте, на который выглядишь. Хотя, может быть, это только казалось, что вампиров в большом городе стало больше. Может быть, там были миллионы вампиров из маленьких городков, деревенских вампиров, которые по вечерам в пятницу ходили на коровьи чаепития с местными жителями. Мы же не перепись проводили.

И это не было похоже на то, что мы могли сказать в лицо, если только они не заточили свои зубы, и тогда всегда была возможность, что они действительно были просто подражателями вампиров, жалкими людьми, которые приняли "культуру", не веря.

В течение многих лет я была убеждена, что Кортни Кокс окажется одним из нас. Но по прошествии многих лет, когда я не слышала ни об одном высосанном из пальца трупе, связанном с ней, я поняла, что, должно быть, ошиблась.

Таксист начал уникальный маневр, не снимая ноги с педали газа.

- Был гонщиком в прошлой жизни, приятель?- Спросила я.

Он игнорировал меня или не слышал из-за своего музыкального диска.

Вероятно, проигнорировал меня, потому что через несколько минут он остановился в четырех кварталах от того места, где я попросила его высадить меня, и ждал, пока я заплачу ему.

Я заплтила.

- Мир и долгая жизнь, - сказала я, выбираясь с заднего сиденья.

Он умчался, как только закрылась дверь.

Трудно чувствовать себя одинокой в городе с миллионным населением, но время от времени мне это удавалось. Наверное, мое обаяние, которое удерживало людей на расстоянии.

Я подумала о Лидии и Кевине, идущих вместе домой к своему ребенку-на-данный-момент. И я позволила себе тридцать секунд ревности.

Потом зашла в первый попавшийся магазин и купила пачку сигарет с ментолом. Не то чтобы я могла заболеть эмфиземой или раком. Не то чтобы я могла запивать свои проблемы. Я могла бы начать пить кровь, но мысль о том, что придется полдня бодрствовать с болью в животе, тоже не привлекала меня.

Я заплатила за сигареты, новую зажигалку - блестящую серебряную "Зиппо" для своей коллекции и закурила, выходя за дверь.

Парень с великолепными волосами и немного большим носом посмотрел на меня, когда проходил мимо, и мне пришла в голову блестящая идея.

Ну, сначала я подумала о том, чтобы затащить его в постель, а потом мне пришла в голову блестящая идея.

Доктор Пэрриш держал свой офис открытым допоздна три дня в неделю, в основном для своих клиентов работающих с девяти до пяти, но также, как я подозревал, что, когда вы работаете только четыре дня в неделю, дополнительные вечерние часы вдали от вашей семьи могут быть расслабляющими, даже если вы застряли в офисе в Плезантвилле с вампиром и ее дюжиной неврозов.

Я не знала точно, как долго он задержался, и даже когда я взглянула на настенные часы через запачканную витрину магазина и увидела, что было три часа ночи, я подумала, что проверю, был ли он еще здесь, просто для развлечения.

Всю дорогу я курила одну сигарету за другой, закончив всю пачку, кроме одной, которую сунула за ухо по-ковбойски.

Никотин прекрасно действовал на мою голову, не беспокоя желудок, как это было в мои невинные дни. Иногда мне хотелось, чтобы вампиры могли принимать героин, не растворяясь в луже слизи. Мне всегда хотелось попробовать героин, хотя бы раз. Конечно, героин нельзя употреблять только один раз, верно? Так что я бы растворялась в луже слизи несколько раз в неделю. Как неудобно.

Я хихикнула.

Доктор Пэрриш, разумеется, ушел. Огни парковки освещали жирные пятна и выброшенные банки "Ред Булла", больше ничего.

Но поскольку доктора Пэрриша рядом не было, а я была, я решил вломиться в его кабинет.

Я проверила все двери, но кто-то не забыл их запереть. Окна тоже были заперты, но маленькое окошко в кабинете доктора Пэрриша, всегда закрытое плотной синей занавеской, показалось довольно легкой целью.

Через несколько минут окно было открыто, а еще через минуту я пролезла внутрь и сидела в темноте в кресле доктора Пэрриша, положив ноги на маленький кофейный столик. Под этим углом вся комната выглядела иначе, хотя я могла различить только очертания в темноте. Я включил миниатюрную лампу, стоявшую в центре стола, и свет, такой тусклый, что он казался

почти темным, осветил коричневые стены. Кресло доктора Пэрриша было гораздо удобнее, чем соседнее кресло для пациентов.

Когда это надоело, я подошла к его огромному письменному столу в углу комнаты и села в огромное кожаное кресло. Я искала вездесущий Блокнот доктора, старательно избегая стальной пирамиды пресс-папье рядом с его компьютером. Царапаться об эту штуку было бы больно.

Доктор Пэрриш, вероятно, где-то запер Блокнот. Или он спал с ним под подушкой.

Я чувствовала себя немного виноватой, роюсь в ящиках его стола, но больше ни на что не смотрела. За исключением фотографии женщины лет тридцати с небольшим, стоящей перед каким-то замком, закутанной в ярко-синее пальто и шарф. У нее была легкая, радостная улыбка, которая сияла в каждой черте лица. Это, должно быть, его жена. Она была слишком хороша для него.

Он скажет, что, когда встретил ее, сначала полюбил ее лицо. Сначала она скажет, что ей нравилось его чувство юмора, нравилось, как он смотрит на мир. Потом они спорили о том, чью семью навестить в День Благодарения, а чью-на Рождество. Он сказал бы, что она все время придирается к нему. Она спрашивала, как он мог это знать, если никогда не слушал, что она говорит. Месяцы гнева. Один из них выходит однажды ночью, чтобы забрать дюжину яиц, и кончает тем, что спит с соседом. Раскаивается в слезах. Грязный развод. Алименты. Затем она находит кого-то другого, кто, по ее мнению, обладает отличным чувством юмора, а он находит кого-то другого, чье лицо он любит.

Я убрала фотографию и пошла просматривать его книги. Уилл думает, что вы можете узнать все о человеке по тому, что находится на его полках.

Я нашла ожидаемые книги по психологии, а также ряд текстов по психоанализу, в том числе и по толкованию сновидений, хотя не думаю, что доктор Пэрриш воспринимал их слишком серьезно. Но даже если и так, я испытывала к нему больше уважения, чем к людям, которые клялись, что на все вопросы можно ответить с помощью микроскопа. Некоторое время я листала книгу по толкованию снов. Очевидно, каждый символ в моих снах означал смерть.

У доктора Пэрриша тоже было несколько книг Джозефа Кэмпбелла - "мифология того и этого". Что сказал бы Джозеф Кэмпбелл о вампирах?

На нижней полке, почти полностью скрытая письменным столом, располагалась секция художественной литературы. Доктор Пэрриш обожал романы Стивена Кинга. Он также был поклонником Гарри Поттера. Я любила вампира, который появился в шестой книге. Так смешно.

У доктора Пэрриша было несколько книг некоего Джампы Лахири, о котором я никогда не слышала. Но мне нравилось это имя. Я произнесла это вслух несколько раз в почти безмолвном кабинете. - Джампа. Джампа Лахири."

Почти беззвучно. Я подняла глаза и заметила, что доктор Пэрриш забыл выключить свой пузырящийся фонтан. Звук, казалось, соответствовал этому месту в моем сознании, поэтому, пока я слушала его с тех пор, как вошла через окно, я не поняла, что на этот раз это был случайный звук.

Я взяла с полки Джампа Лахири и подошла к фонтану. В нем было столько сияющей радости, что он напомнил мне фотографию на столе доктора Пэрриша, широкую-широкую улыбку женщины, и я была уверен, что она купила это для него, может быть, даже принесла его в кабинет и поставила здесь, чтобы щель между темными занавесками позволяла полосе света падать на него в нужное время дня.

Я представила себе доктора Пэрриша, сидящего в своем кресле консультанта, смотрящего на фонтан и наблюдающего, как по нему скользит острие ножа дня, пока его клиенты разговаривают с ним в течение всех этих часов. Он, вероятно, почувствовал облегчение, когда световая линия исчезла, зная, что скоро сможет запереть дверь и читать Джампа Лахири в течение часа, прежде чем улыбающаяся женщина будет ждать его дома.

Я отключила фонтан от сети. Он журчал еще несколько секунд, пока через него проходила последняя энергия, а затем журчание прекратилось.

Тишина.

Я не слышала ни машин на дороге, ни тиканья часов, ни мышей в стенах, как будто мир доктора Пэрриша был черной дырой звука. Неудивительно, что он хотел фонтан. Я не хотела ничего говорить или двигаться так, чтобы это произвело шум. Если бы я это сделала, все это место могло бы разбиться вокруг меня, крыша рассклала бы меня, когда бы она упала осколками.

Выкуривала ли я когда-нибудь девятнадцать сигарет подряд? Я была совершенно уверена, что нет, и не могла припомнить, чтобы когда-нибудь испытывала нечто подобное.

Я снова вставил вилку в розетку и услышала, как металлические штыри со скрежетом вонзились в розетку, как пластиковая пробка ударилась о крышку розетки. Журчащая вода снова начала течь, звуча еще счастливее, чем раньше, как будто она ожидала, что близится время лечь спать, но ей позволили остаться еще на час.

Я вернулась к столу доктора Пэрриша и включила металлическую лампу. Было так светло, что мне пришлось дать глазам привыкнуть, даже тогда я направила лампочку к потолку, чтобы приглушить яркий свет на столе.

Я открыла книгу Джампа Лахири и поняла, что это сборник рассказов. Я подумала, что прочту одну, положу ее обратно на полку и уйду, может быть, забрав с собой фонтан. Это может быть вторая вещь в моей гостиной. Я бы поставила его рядом с уродливой кушеткой, и когда Уилл пришел бы и снова и сказал, что я живу как монах, я могла бы показать на фонтан и сказать: "Нет, теперь у меня есть две вещи. Ты больше не можешь так говорить."

Но сначала-сказка на ночь. А потом еще одну.

Когда в десять утра пришел доктор Пэрриш, я уже наполовину дочитала последний рассказ.

- Это невероятно, - сказала я.

Его портфель упал, мягко стукнувшись о ковер, и в тот же миг доктор Пэрриш ахнул и прижал руку к груди.

- Извини, - сказала я. -Вы это читали? Я имею в виду, что она у вас на полке, но это не значит, что вы ее читали. Возможно, вы намереваетесь это сделать. А может быть, кто-то ее подарил, и вы откладываете, - я взяла книгу, лежавшую рядом с ноутбуком, - Джонатана Стренджа и Мистера Норрелла.- Я подняла его, чтобы он увидел. -Разве это хорошо?"

- Энни, что ты здесь делаешь?- Он не отошел от двери и не поднял свой портфель.

Я объяснила, что выкурила все сигареты, кроме одной, из только что купленной пачки, показав ему ту, что оставила за ухом в качестве доказательства, а потом рассказала, как мне было скучно и одиноко и как я ушла с вечеринки Уилла довольно рано. И как-то в середине рассказа о Джампе Лахири я вспомнила, что у меня нет ни хорошего оправдания, ни даже приличного объяснения.

-Мне очень жаль, - сказала я ему. - Это больше не повторится."

Доктор Пэрриш все еще смотрел на меня. Я и не предполагала, что так сильно напугаю его. Мне хотелось ухмыльнуться, глядя, как он стоит, словно кадр из комикса, но я сдержалась.

Вместо этого я отложила Джонатана Стренджа и взяла в руки рассказы Джампы Лахири. - Не возражаете, если я позаимствую это?- Спросила я.

<http://tl.rulate.ru/book/42190/963268>